

В. В. ВАСИЛЬЕВ

Москва и Витгенштейн

Среди российских историков философии, наверное, нет таких, кто не знал бы, что знаменитый философ Людвиг Витгенштейн посещал СССР, Москву и Ленинград, в середине 1930-х гг. Однако детали этого визита 1935 г. до самого недавнего времени оставались неизвестными. Так что один из многочисленных биографов Витгенштейна Э. Кантерян по праву мог утверждать, что мы мало знаем об этом путешествии. В последние годы ситуация радикально изменилась и сегодня мы можем буквально по дням расписать поездку кембриджского философа. Я сделал это в статье «Московские адреса Витгенштейна»¹, а также в ряде презентаций и сетевых публикаций. В этой статье я акцентирую другие моменты. Прежде всего я хочу с достаточной полнотой воспроизвести ключевые источники наших знаний о визите Витгенштейна. Затем я сосредоточусь на анализе одного из них — отчетов гида Витгенштейна от ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, оказывавшего помощь иностранцам²) А. Каспарсона.

1. Многие годы самым известным свидетельством о пребывании Витгенштейна в СССР были воспоминания бывшей россиянки Фани Паскаль, учившей его русскому языку в Кембридже незадолго до визита. Витгенштейн учил русский, так как он не собирался ограничиваться поверхностным знакомством со страной. Хорошо известен факт, что он думал о постоянной

¹ *Васильев В. В.* Московские адреса Витгенштейна // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 39–51.

² Об особенностях работы ВОКС см.: *Гридиев Ю. А.* Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (1925–1929 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. МГУ. М., 2006; *Stern L.* Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–1940. London: Routledge, 2007.

работе в СССР. Причем прежде всего его интересовала не работа по специальности, не преподавание философии. Стремясь — во многом под влиянием Л. Н. Толстого — к простой жизни, он мечтал заняться общепольным трудом, столь ценившимся в СССР. Он хотел уехать куда-нибудь на периферию страны и устроиться медработником³. Допускались также и различные другие варианты. Для всего этого ему нужен был разговорный русский. И он всерьез изучал его с Ф. Паскаль и с другими людьми накануне поездки. А после возвращения Витгенштейн попросил его друга Ф. Скиннера передать Паскаль свои впечатления от визита. Скиннер так и поступил, а Паскаль впоследствии воспроизвела переданные им слова: «Его хорошо приняли. Он отправился в Московский университет повстречаться с госпожой Яновской, профессором математики, и передал свое имя. Он услышал, как она изумленно воскликнула: “Неужели это тот великий Витгенштейн?”». Паскаль также сообщает, что Яновская предложила ему «кафедру философии в Казани, в университете, где учился Толстой. Он еще не решил, как поступить»⁴.

Любопытно, что С. А. Яновская, в 1935 г. возглавлявшая один из секторов НИИ математики при Московском государственном университете, в отличие от ее подруги философа Т. Н. Горнштейн, с которой Витгенштейн встретился в Ленинграде в последний день своего визита, 24 сентября 1935 г. (а начался этот визит 12 сентября, тоже в Ленинграде; с 14 по 23 сентября он был в Москве), не оставила публичных воспоминаний о своем общении с Витгенштейном, хотя и рассказывала ученикам о нем. Ее соседка по коммунальной квартире, историк Х. И. Кильберг между тем свидетельствовала, что Витгенштейн приходил к Яновской в гости и пил чай на их общей кухне: «Кухня служила как бы клубом. Здесь Софья Александровна принимала приходивших по делу своих аспирантов, коллег. Запомнился происходивший здесь оживленный спор Софьи Александровны с приехавшим в СССР философом Людвигом Витгенштейном <...>. После ухода Витгенштейна, шутя, я заметила, что этого отпрыска имперской династии следовало поить чаем не на кухне. Последовала реплика Софьи Александровны: “и не подумаю делать для него исключение”»⁵.

³ *McGuinness B.* (ed.) *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951*. Malden: Blackwell Publishing, 2008. P. 244–245.

⁴ *Rhees R.* (ed.) *Ludwig Wittgenstein: Personal Recollections*. Totowa NJ: Rowman and Littlefield, 1981. P. 43.

⁵ *Кильберг Х. И.* Верность долгу // Женщины — революционеры и ученые / Отв. ред. И. И. Минц, А. П. Ненароков. М.: Наука, 1982. С. 104.

Присутствие С. А. Яновской в ключевых воспоминаниях о поездке Витгенштейна заставило многих считать, что она играла важнейшую роль в ходе его визита, отвечала за него или была официальным представителем властей на переговорах с Витгенштейном. Этот образ запечатлен даже в небезызвестном фильме Д. Джармена «Витгенштейн» (1993). Вскоре мы увидим, что данный образ абсолютно не соответствует действительности. Одним из решающих свидетельств против него стала недавняя публикация ранее неизвестного письма британского коммуниста Пата Слоана (1908–1978) кембриджскому другу Витгенштейна М. Доббу. Слоан проживал в Москве в 1930-е гг., и из его письма, датированного 24 сентября 1935 г., следует, что именно он курировал визит Витгенштейна.

Письмо впервые опубликовано в статье Н. О’Махони «Важность Русского для Витгенштейна» (2012). Я приведу ту его часть, в которой идет речь непосредственно о Витгенштейне: «Дорогой Морис, я делал все что мог для Витгенштейна, но он едва ли тот человек, которому я рекомендовал бы поселиться в СССР! Он хотел (а) бросить свою профессию и (b) укрыться от буржуазного общества. Если бы он хотел только (b) и при этом имел бы профессию, полезную для социалистического строительства, все было бы проще, хотя и не просто. В сложившихся обстоятельствах он может работать только учителем английского, учитывая его шесть лет в школе⁶. Но, кажется, сейчас уже никто не хочет привлекать иностранных специалистов для этого. — В конце концов он установил контакт с одним или двумя математиками, открывшими перед ним возможность приехать сюда и преподавать *по своей специальности*. Это лучшая из имеющихся возможностей и ему надо посоветовать воспользоваться ею. В ином случае я посоветовал ему завершить свою медицинскую подготовку и вернуться сюда с *полезной* профессией, *или* завершать подготовку. — Но вообще человек, который говорит: “Мне 46 лет, я не могу читать философию той страны, где я хочу поселиться, я слишком стар”, едва ли подходит для того, чтобы жить и работать в СССР. Его ум настолько заужен (почти до безумия), что он, ощущая это, хочет вовсе отказаться от него. Он считает совершенно невозможным развивать свой ум в новых направлениях *в его возрасте* (46!), и если он приедет сюда, это может привести к катастрофическим результатам — из-за его постоянного уклона в контрреволюционную идеологию (я сомневаюсь, что его ум когда-либо сможет

⁶ Речь идет о работе Витгенштейна учителем в сельских школах Австрии в 1920-е гг.

обрести дисциплину, т. е. что он может стать примерным советским гражданином), — или же произойдет чудо и он полностью изменится от здешней жизни и условий. Но, к сожалению, он, по моим ощущениям, до такой степени абсолютно не ориентируется в социально-политической сфере, что он будет меняться не в лучшую, а в худшую сторону»⁷.

Мы видим, что Слоан прекрасно осведомлен о намерениях Витгенштейна и ходе его визита. И он явно принимал участие в составлении его программы. Но очевидно, что Слоан не был человеком, работавшим с Витгенштейном по заданию властей — он работал с ним по просьбе его кембриджского знакомого, который хотел помочь Витгенштейну. Впрочем, роль Слоана не стоит преувеличивать: из письма видно, что он не был тем человеком, который организовал встречу Витгенштейна и «математиков», т. е. прежде всего Яновской.

Так как же была организована эта встреча? Ответ на этот вопрос можно было бы надеяться получить из еще одного важнейшего — и давно известного — источника, а именно из ежедневника Витгенштейна, который он вел на протяжении всего визита в СССР. Тут, правда, нужны уточнения. Хотя о существовании этого ежедневника знали многие, лишь немногие видели его страницы — он не опубликован и доступ к нему затруднен. Те же, кто видел его, обнаруживали на его разворотах несколько телефонов и адресов и больше десятка фамилий, большая часть которых записана по-русски. Есть в этих списках и фамилия Слоана, встречающаяся чаще других — три раза. Один раз упоминается и Яновская.

Проблема в том, как интерпретировать все эти записи. Ясно ведь, что сами по себе они мало информативны. Записи первых четырех дней вообще очень скудны: 12 сентября — «an Leningrad», 13 сентября — «ab Leningrad»⁸, 14 сентября — «an Moscow» и ниже — «Sloan»⁹, 15 сентября — «[нрзб] Соймонов-

⁷ O'Machony N. Russian Matters for Wittgenstein // *Doubtful Certainties*, ed. by J. P. Galvez, M. Gaffal. Frankfurt a. M.: Ontos Verlag, 2012. P. 173–174.

⁸ Т. е. «в Ленинград» и «из Ленинграда».

⁹ Непосредственное отношение к прибытию Витгенштейна в Москву имеет, по-видимому, еще один лист ежедневника с карандашной схемой Комсомольской площади (фотография соответствующего разворота ежедневника опубликована в: Nedo M. (Hg.). *Ludwig Wittgenstein: Ein Biographisches Album*. München: C. H. Beck, 2012), на которой обозначены три вокзала — Октябрьский (Ленинградский), на который и приехал Витгенштейн, Северный (Ярославский) и Казанский. Рядом упомянут трамвай № 10, который мог довести его до центра города. И записана одна фамилия — «Гр. Гуревич».

ский проезд 5» и под ней — «Tel. 26409». Сегменте ежедневника за 16 сентября плотнее насыщен информацией, начинаясь словами «Стар. Площ.», «Рашкис» и «Озет», но из того, что, скажем, в этом сегменте видна также более понятная, на первый взгляд, надпись «С [рет] енский Бульв. 9» и рядом «Tel. 29241» еще не следует, что Витгенштейн звонил по этому телефону и приходил на Сретенский бульвар 16 сентября. Эти краткие записи нуждаются в интерпретации и расшифровке. По их результатам можно надеяться повысить (или понизить) степень вероятности тех или иных событий. Приведенный пример в этом плане весьма показателен. Рядом с упоминанием телефона и дома по Сретенскому бульвару записаны две фамилии — «Бородина» и «Sloan». Воспользовавшись справочником «Вся Москва» за 1936 г. можно установить, что упомянутый телефон и адрес принадлежали Московскому областному комбинату иностранных языков, которым руководила Ф. С. Бородина. А из книги Слоана «Россия без иллюзий» мы узнаем, что он был знаком с ней и даже одно время работал под ее началом¹⁰. Вспомним теперь, что Слоан в письме Доббу упоминает о том, что Витгенштейн в принципе мог бы поработать учителем английского, но потребности в иностранных преподавателях сейчас нет. Соединив все эти факты, можно сделать предположение, что Витгенштейн и Слоан действительно посетили этот комбинат на Сретенском бульваре и ушли ни с чем.

Поддаются расшифровке и другие записи за 16 сентября, равно как и за 15 сентября. ОЗЕТ — это Общество землеустройства еврейских трудящихся, главным образом помогавшее тем, кто хотел отправиться в Еврейскую автономную область, тов. Рашкес (а не «Рашкис») был одним из его руководителей, а располагался офис ОЗЕТ на Старой площади, 8 (в большом здании Наркомзема РСФСР, построенном по проекту Ф. О. Шехтеля). Мы помним, что Витгенштейн хотел уехать на окраины СССР, так что ОЗЕТ в принципе могло бы ему помочь. Предположение, что он побывал на Старой Площади подкрепляется тем обстоятельством, что адрес и телефон в сегменте за 15 сентября, как можно установить с помощью Телефонной базы москвичей за 1935 г., принадлежали американской журналистке А. Л. Стронг¹¹, которая недавно

¹⁰ См.: *Sloan P. Russia without Illusions. New York: Modern Age Books, 1939. P. 3, 10.*

¹¹ Этот дом по адресу: Соймоновский пр., 5, иногда называют «домом Ильфа». За несколько лет до визита Витгенштейна Е. Ильф сфотографировал отсюда взрыв Храма Христа Спасителя. Но в 1935 г. Ильф жил уже в пер. Фурманова, где он был соседом Е. Петрова, М. А. Булгакова и отбывавшего ссылку О. Мандельштама.

с массой впечатлений вернулась из поездки в Еврейскую автономную область и могла дать Витгенштейну полезную информацию о ней, тем самым подготовив его к визиту на Старую площадь на следующий день. Другое дело, что поход в ОЗЕТ 16 сентября оказался, судя по всему, тоже совершенно безрезультатным.

Следующие сегменты ежедневника, на 17, 18 и 19 сентября, опять по большей части пусты. 17 сентября Витгенштейн собирался позавтракать в 10 часов с человеком, названным в ежедневнике «Mr. Spector». Рядом с соответствующей записью стоит вопросительный знак, по-видимому, означающий, что эта встреча была под вопросом. Судя по логике визита Витгенштейна, можно предположить, что речь шла о руководителе эмигрантского отдела «Интуриста» (организации, отвечавшей за туристический обмен с заграницей и, в частности, за поселение туристов в одну из элитных московских гостиниц — «Националь», «Метрополь», «Савой» или «Новомосковскую») — М. И. Спекторе¹². Главный офис «Интуриста» располагался по тому же адресу, что и гостиница «Националь». Отметим, что, упоминая о времени завтрака, Витгенштейн не указывает место встречи. Это было бы объяснимо, если бы это место было ему очень хорошо знакомо: если бы завтрак был запланирован в ресторане гостиницы, в которой он остановился. Поскольку М. И. Спектору удобнее всего было бы назначать встречу в ресторане гостиницы «Националь», можно предположить, что Витгенштейн останавливался в Москве именно в этой гостинице¹³.

Но даже если эта встреча с работником «Интуриста» и состоялась, она опять-таки не принесла видимых результатов. Об этом можно судить по содержанию открытки, отправленной Витгенштейном 18 сентября его кембриджскому другу, филосо-

¹² Вся Москва: Адресно-справочная книга. М.: Московский рабочий, 1936. С. 478.

¹³ В пользу этого говорит и то, что в письме Г. Паттиссону от 22 сентября 1935 г. Витгенштейн сообщает, что «завтра вечером покинет Москву», добавляя, что живет в «комнатах, где останавливался Наполеон в 1812 г.» (*Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius. London: Vintage, 1991. P. 352*). Конечно, это может быть просто шуткой, ведь Наполеон даже теоретически не мог останавливаться ни в одном из зданий, где селили иностранцев — они еще не были построены в 1812 г. Между тем, в одном из номеров отеля «Националь» (№ 115) была — и есть — ваза с портретами Наполеона и его жены. Не исключено, что персонал отеля иногда называл этот номер «наполеоновским» и кто-то мог думать, что это связано с тем, что Наполеон останавливался в этих комнатах. Если бы Витгенштейн жил в этом номере отеля «Националь», он, по крайней мере, мог бы обыграть это в шутовском письме к Паттиссону.

фу Дж. Э. Муру. Витгенштейн сообщает, что собирается надолго вернуться в Кембридж¹⁴. Это означает, что его планы по трудоустройству в СССР оказались под большим вопросом.

В ежедневнике сегмент «18 сентября» пустует. Отсутствие запланированных встреч можно объяснить не только необходимостью для Витгенштейна взять паузу после неудач первых дней и обдумать дальнейшие действия, но и тем, что среда 18 сентября была выходным днем: в 1930-е гг. в СССР выходные приходились на 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца.

19 сентября отмечено в ежедневнике одним телефонным номером — 45 216. Однако этот крупно записанный номер, похоже, просто дублирует на видном месте тот же самый номер, присутствующий среди множества других пометок в сегменте «21 сентября». Говорить о событиях 19 сентября можно, скорее, опираясь на знание о том, что произошло в последующие дни. Ведь о двух из них, 20 и 21 сентября, мы располагаем подробной информацией. Главным ее источником служат уже упоминавшиеся мной отчеты гида и переводчика ВОКС А. Каспарсона, сопровождавшего Витгенштейна в эти два дня. Во второй части статьи мы подробно обсудим эти отчеты, а пока ограничимся предположением, что 19 сентября Витгенштейн мог впервые посетить офис ВОКС (при этом у него на руках, скорее всего, было заранее полученное рекомендательное письмо) на Большой Грузинской, 17 (сейчас здесь мастерская З. Церетели) и обговорить дальнейшие действия вместе с ВОКС.

На 20 сентября в ежедневнике приходится несколько записей. С левой стороны разворота в столбик: «Sloane», «Home 3-34-33», «Office Дворец Труда» и «546», с правой: «18 Autobus», ниже в перевернутом виде — «Усачевка 320» и сбоку перпендикулярно — «Арбат».

Поскольку мы уже знаем, что 20 сентября Витгенштейн провел весь день с гидом ВОКС, возникает ощущение, что записи с левой стороны разворота — это просто «визитка» П. Слоана (фамилия которого на этот раз написана с ошибкой). Похоже, что Слоан «передал» Витгенштейна людям из ВОКС и оставил свои координаты, а именно домашний телефон и номер своего офиса во Дворце труда (резиденции профсоюзов СССР, громадном здании на берегу Москва-реки неподалеку от Кремля по адресу Солянка, 12), чтобы Витгенштейн мог связаться с ним и рассказать о результатах (что он и сделал). У Слоана вполне мог быть

¹⁴ *McGuinness B. (ed.) Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951. Malden: Blackwell Publishing, 2008. P. 249.*

офис во Дворце труда, так как в то время он работал в одной из профсоюзных организаций¹⁵.

Что же касается записей с правой стороны разворота ежедневника в сегменте «20 сентября», то они в действительности не имеют отношения к 20 сентября. Дело в том, что от слов «Арбат» и «Усачевка 320» тянутся линии к фамилиям из сегмента «21 сентября».

В сегменте «21 сентября» слева видна надпись «11 [нрзб] Universität», ниже «Konferenzsaal» и еще ниже за небольшой чертой в столбик — «45216» (телефон, крупно продублированный в сегменте «19 сентября») и «Юшкевич». Эта фамилия подчеркнута. Записанный рядом телефон — скорее всего телефон Юшкевича. Правая сторона этого разворота ежедневника тоже не пуста, здесь видны несколько фамилий, выписанных друг под другом: «Яновская» (подчеркнуто), «Выгодский», «Варьяш», «Колмогоров», «Гливенко» (подчеркнуто) и «Жегалкин» (подчеркнуто). От «Гливенко» идет линия к номеру телефона Г36841, а от него — к слову «Арбат» в сегменте «20 сентября». Из телефонной базы данных Москвы за 1935 г. становится ясно, что этот телефон действительно принадлежал В. И. Гливенко, который жил по адресу Кропоткинский пер., 25, в нескольких минутах ходьбы от Арбата¹⁶. Другая линия идет от фамилии Яновской к расположенным выше перевернутым словам «Усачевка 320». Как ни странно, это тоже номер телефона, телефона С. А. Яновской, в варианте набора через коммутатор¹⁷. Из той же телефонной базы можно узнать, что С. А. Яновская проживала на ул. Малые Кочки, 7¹⁸. Упомянутый на этой же странице ежедневника автобус № 18 мог довести туда из Центра¹⁹.

В сегменте «22 сентября» слева записано «Зал заседаний», справа в столбик «Copeland», «405 New Mos», «11. Юшкевич» и «11.30 Гливенко». Первую, четвертую и пятую записи можно истолковать так, что 22 сентября Витгенштейн встречался с Юшкевичем и Гливенко в 11:00 и 11:30 в каком-то «зале заседаний».

¹⁵ См.: Sloan P. Russia without Illusions. New York: Modern Age Books, 1939. P. 136.

¹⁶ Городской телефон: Список абонентов московской городской сети. М., 1935. С. 40.

¹⁷ Ср.: Вся Москва: Адресно-справочная книга. М.: Московский рабочий, 1936. С. 91.

¹⁸ Городской телефон: Список абонентов московской городской сети. М., 1935. С. 196.

¹⁹ Вся Москва: Адресно-справочная книга. М.: Московский рабочий, 1936. С. 618.

Поскольку «Konferenzaal» из сегмента «21 сентября» — это, собственно, и есть «зал заседаний» и поскольку там тоже указано время 11 часов, наряду с упоминанием университета, можно предположить, что тут говорится об одном и том же событии в одном из корпусов МГУ. Две другие записи отсылают к номеру 405 гостиницы «Новомосковская», но кто такой Копланд — это пока совершенно неясно.

В записях на 23 сентября нет фамилий, зато есть подробный адрес: «Малые ко [ч] ки7»²⁰, «Haus 4 кварт 173»²¹ и упоминание об уже известном нам автобусе — «Autobus № 18». Собственно, адрес нам тоже уже известен — здесь жила Яновская, и нет сомнений, что именно в этом доме состоялась упоминавшееся выше чаепитие Яновской и Витгенштейна.

Вечером того же дня, 23 сентября, как мы знаем из письма Витгенштейну своему приятелю Г. Паттиссону, он уехал из Москвы в Ленинград — с Ленинградского (Октябрьского) вокзала. В сегменте «24 сентября» — это последний день пребывания Витгенштейна в СССР — опять записаны адреса, на этот раз с фамилиями. Слева в столбик: «Анна М. Фишер», «Ленингр. Унив.», «Инст. Мат. и Мех», справа: «Татьяна Никол. Горнштейн», «ул. Достоевского», «д. 30, кв. 24» и «Tel: Б 45228». Мы знаем, что Витгенштейн позвонил по этому телефону, встретился с Т. Н. Горнштейн у нее дома, а впоследствии переслал ей свои новые тексты²².

Это все, что можно найти на страницах ежедневника Витгенштейна, соответствующих датам его визита в СССР²³. Хотя содержащаяся здесь информация помогает прояснить ряд моментов, она не позволяет снять вопрос, как была организована встреча Витгенштейна с Яновской. Без ответа на него логика визита Витгенштейна остается не до конца понятной.

2. Настало время обратиться к отчетам гида Витгенштейна А. Каспарсона. Эти машинописные документы были про-

²⁰ У Витгенштейна «Малые кошки», но это, конечно, ошибка. См. Бирюков Б. В., Бирюкова Л. Г. Людвиг Витгенштейн и Софья Александровна Яновская: «Кембриджский гений» знакомится с советскими математиками 30-х годов // Логические исследования. Вып. 11. М.: Наука, 2004. С. 85.

²¹ То есть д. 7, к. 4, кв. 173. Современный адрес — ул. Доватора, 7/8, кв. 19. Ср.: Соловьева Е. Е., Царева Т. В. Новые дома: Архитектура жилых комплексов Москвы 1920-х — 1930-х годов. М.: План, 2012. С. 486.

²² См.: Горнштейн Л. З. Людвиг Витгенштейн в Ленинграде // Общественные науки и современность. 2001. № 2.

²³ Об их особенностях я подробно пишу в: Васильев В. В. Московские адреса Витгенштейна // Вопросы философии. 2017. № 6.

игнорированы всеми биографами Витгенштейна. Речь идет о двух страницах текста, один из которых частично заполнен и на обороте. Эти тексты хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ Ф. 523. Оп. 3. Д. 657. С. 25–26²⁴). Отчеты выполнены по горячим следам, о чем свидетельствует рукописная резолюция начальства, датированная 23 сентября (из которой следует, что руководство хотело получить дополнительные отзывы о Витгенштейне²⁵ и организовать встречу с ним). Это позволяет говорить об очень высокой достоверности заметок Каспарсона. Большинство подобных отчетов ВОКС, кстати, весьма лапидарны. Но отчеты Каспарсона о двух днях с Витгенштейном совершенно иные. Читателя не покидает чувство, что спутник кембриджского философа был изумлен его манерами и высказываниями и попытался дословно передать услышанное. Так что вскоре мы услышим голос самого Витгенштейна²⁶.

Но сначала мы ответим на вопросы, которые пока не могли разрешить. Первый из них касался организации встречи Витгенштейна с Яновской (и вообще с математиками). Записи Каспарсона дают ответ на этот вопрос. Прежде всего, мы узнаем из них, что Витгенштейн сам просил ВОКС помочь ему выйти на МГУ и был недоволен затяжкой в этом вопросе. Об этом он говорил 20 сентября: «Проф. Витгенштейн высказывал резкое недовольство обслуживанием Интуриста, характеризуя его как невнимательное, ненадежное и т. д. Жаловался также на то, что ВОКС обещало помочь ему установить связь с КОМЗЕТ'ом и МГУ и ничего не сделало» (с. 26 Дела. См. прим. 24). Это свидетельство одним ударом разрушает миф, что в СССР Витгенштейна чуть ли не заставляли работать по своей основной специальности. Реальность была, скорее, такова, что, столкнувшись с трудностями при реализации первоначальных планов трудоустройства на простую общепользную работу в отдаленных районах СССР (но не оставив эти планы, о чем говорит его намерение установить

²⁴ Далее при ссылках на этот источник в скобках будет указываться только страница указанного Дела.

²⁵ Особое значение придается будущему отзыву Э. Я. Кольмана, соавтора С. А. Яновской и гонителя знаменитого математика Н. Н. Лузина. О Лузине, его учителе Д. Ф. Егорове и о судьбах Московской математической школы, самым известным выходцем из которой был А. Н. Колмогоров.

²⁶ В конце отчета о первом дне Каспарсон замечает, что Витгенштейн незадолго до поездки изучал русский и «уже может немного говорить» (с. 26 Дела, об.). Из этого замечания следует, что общение между ними шло в основном по-английски (Каспарсон отвечал за работу с приезжими из англоязычных стран).

контакт с КомЗЕТ — организацией, родственной уже знакомому нам ОЗЕТ), он решил опробовать и запасной вариант, связанный с работой по своей философской специальности (которая обозначена в документах ВОКС как «философия математики»). Для этого он и пытался выйти на МГУ. Тема МГУ находит продолжение в отчете Каспарсона за 21 сентября: «Ввиду того, что невозможно было из “ВОКС”а дозвониться [до] проф. Колмогорова (Институт Математики) решили пойти прямо в деканат Института. Оказалось, что проф. Колмогоров сейчас в отпуску. Нас принял Зам. Декана проф. Вержбицкий. Проф. Витгенштейн²⁷ просил указать ему фамилии научных сотрудников Института, которые могли бы быть знакомы с его трудами и могли бы дать ему письменную характеристику его работы, т. к. это может помочь ему получить работу в СССР.²⁸ Ему назвали целый ряд фамилий: проф. Яновская, проф. Гливенко, Варьяш и, кроме того, сообщили, что в 5 часов проф. Колмогоров будет в Н. Московской у американского тополога Копланда, и он может встретить его там» (с. 25 Дела).

Рассказ Каспарсона о посещении Института математики при МГУ, располагавшегося в здании нынешнего факультета журналистики по адресу Моховая, 9, директором которого был выдающийся математик А. Н. Колмогоров, отвечает на вопрос, откуда в ежедневнике Витгенштейна в сегменте «21 сентября» появился большой список фамилий. Ясно и что это были за люди. Разъясняется ситуация и с загадочным Копландом²⁹. Но, самое главное, теперь уже не остается сомнений, что Яновская не играла большой роли в его визите. Витгенштейн узнал о ее существовании за два дня до отъезда из Москвы³⁰. В свою очередь,

²⁷ Стоит уточнить, что Каспарсон понимает слово «профессор» в широком смысле. Строго говоря, профессором Витгенштейн стал лишь в 1939, заняв место Дж. Э. Мура. Да и Вержбицкого нет в списке профессоров Московского университета, сведения о которых опубликованы в: Рябухин А. Г., Брянцева Г. В. Профессора Московского университета. 1755–2004. Биографический словарь. В 2-х т. М.: Изд. Московского университета, 2005.

²⁸ Конечно, из этого свидетельства не следует, что Витгенштейну нужны были эти отзывы для устройства на работу именно по философской специальности. С другой стороны, пригодиться они могли прежде всего для этого. Скорее всего, в такой завуалированной форме Витгенштейн попросту спрашивал, могут ли его взять в МГУ. Последующие встречи 22–24 сентября подтверждают его стремление найти работу по специальности.

²⁹ Упоминание Копланда в сегменте «22 сентября» объясняется тем, что в предыдущем уже не было места.

³⁰ Записывая фамилию Яновской 21 сентября, он начал писать ее не с «Я», а с «Иа» (но сразу остановился — кто-то поправил его, как и в двух других

Яновская, как следует из воспоминаний Ф. Паскаль, ничего не знала о визите Витгенштейна до их первого общения: иначе она не изумилась бы, узнав, кто хочет с ней переговорить.

Остается, правда, не совсем ясным, когда и при каких обстоятельствах Витгенштейн впервые пообщался с Яновской. Напомню, что, согласно Паскаль, он «отправился в Московский университет повстречаться с госпожой Яновской»³¹. Но теперь мы знаем, что 21 сентября Витгенштейн не мог прийти в МГУ для встречи с Яновской, потому что он узнал о ней только когда пришел туда. Выходит, что он должен был встретиться с ней на следующий день, 22 сентября. В этом нет ничего невозможного. Ведь 22 сентября он тоже был в университете и общался с В. И. Гливенко и А. П. Юшкевичем. Их телефоны он получил накануне, 21 сентября, и, судя по всему, тогда же договорился о встрече. От них или, к примеру, от Вержбицкого он мог узнать, что 22 сентября в университете будет и Яновская.

Проблема, правда, в том, что 21 сентября он получили телефон Яновской. Он наверняка звонил ей, но, похоже, не дозвонился — если бы он дозвонился, то на следующий день она уже знала бы о его визите и не стала бы этому изумляться. Не исключено, впрочем, что Паскаль неверно истолковала слова Скиннера о походе Витгенштейна в МГУ и расслышала фразу «он отправился в Московский университет; позвонил (called) госпоже Яновской» как «он отправился в Московский университет повстречаться (to call on) с госпожой Яновской». Иначе говоря, не исключено, что 21 сентября Витгенштейн из МГУ позвонил Яновской через коммутатор и услышал ее удивленное восклицание, когда телефонистка сообщила ей, кто ждет ее на линии. Впрочем, независимо от того, когда состоялся первый разговор Витгенштейна и Яновской, 21 или 22 сентября, можно уверенно сказать, что в ходе этого разговора Яновская пригласила его в гости на 23 сентября, в свою коммунальную квартиру на ул. Малые Кочки, где она предложила ему преподавательскую должность в Казанском университете — наверняка после предварительных консультаций и в осторожной форме: «Вы могли бы занять этот пост, но подготовьтесь, почитайте Гегеля и вообще все взвесьте».

записях на этом развороте: фамилию «Варьяш» Витгенштейн поначалу записал с мягким знаком на конце, а в номере телефона Яновской принял «320» за «120»). Если бы Витгенштейн хоть что-то знал о Яновской до этого дня, он едва ли не представлял бы, как пишется ее фамилия.

³¹ *Rhees R. (ed.) Ludwig Wittgenstein: Personal Recollections. Totowa NJ: Rowman and Littlefield, 1981. P. 43.*

Вспомнив письмо Слоана Доббу, мы поймем, почему в итоге Витгенштейн не стал принимать это предложение. Ему пришлось бы преподавать марксистскую, а не свою философию, а он не был готов к такой перестройке, несмотря на всю свою любовь к СССР.

Впрочем, а была ли любовь? Отчеты Каспарсона дают богатую пищу для размышлений на эту тему. Мы уже видели, что Витгенштейн был недоволен работой «Интуриста» и ВОКС. И те его критические замечания были далеко не единственными. Витгенштейн сообщил своему гиду, «что в Москве его поражает дурной вкус новых построек и грязь, как на улицах, так и в домах, “я не видел еще ни одного чистого ватерклозета, а это есть критерий культуры”». Даже Московский метрополитен, запущенный как раз в 1935 г. (первыми были открыты станции, большая часть которых относится к современной Сокольнической линии на отрезке от «Парка культуры» до «Сокольников»), «он назвал “возмутительным” из эстетических соображений, хотя остался доволен чистотой и простором. Архитектуру станций он назвал плохим подражанием худшим европейским образцам». К рассуждениям Витгенштейна об архитектуре мы еще вернемся, сейчас же подчеркну, что его критичность на деле все же не означала неприятия: Каспарсон специально отмечает, что Витгенштейн просил его не обижаться на критику, так как он «критикует как друг» (с. 26 Дела).

В общем, Витгенштейн, похоже, относился к СССР с каким-то домашним неравнодушием. Показательны его рассуждения в связи с посещением 20 сентября Выставки охраны материнства и младенчества, находившейся при Дворце труда (Солянка, 12). С этого начался первый экскурсионный день Витгенштейна, и Каспарсон признает, что «посещение... было явно неудачным»: «Витгенштейн заявил, что ему нужны не выставки, а рабочие учреждения... что выставки подобные этой существуют только для интуристов, а *он себя интуристом не считает*» (С. 26 Дела; курсив мой. — В. В.)³². Он думал, что его поведут в Институт охраны материнства и младенчества и поэтому согласился на это. Так или иначе, но Витгенштейн «раскритиковал как оформление выставки, так и большинство экспонатов, особенно ме [б] ель. Сказал, что насколько он мог видеть, в СССР копируют худшие образцы западного стиля, причем культура отделки у нас значительно ниже» (С. 26 Дела). Составить представление об этой

³² Он прямо сказал Каспарсону, что «его величайшее желание [—] работать в СССР, в любой должности» (С. 26 Дела).

выставке можно из путеводителя 1926 г. «Музеи и достопримечательности Москвы». Выставка располагалась на двух этажах и имела явный медицинский уклон. Многочисленные экспонаты рассказывали о особенностях беременности, рождения и развития ребенка. Много внимания уделялось культуре материнства, правильному вскармливанию детей. В шкафах находились муляжи, на стенах картины и схемы, иллюстрирующие, к примеру, опасность гонореи или вред от мух.

Следующим пунктом культурной программы 20 сентября было посещение детского Дома культуры им. Павлика Морозова (располагавшегося в здании бывшей церкви по адресу Нововаганьковский пер., 9, в наши дни церковь была восстановлена — это Храм святителя Николая на Трёх Горах). Домкультуры заинтересовал Витгенштейна больше выставки, он «очень внимательно ознакомился с работой кабинетов, особенно механических (Витгенштейн инженер-механик по образованию)». Тем не менее, изумляется Каспарсон, он «отказался оставить запись в книге посетителей, так как у него нет готового мнения!».

После осмотра этого заведения Витгенштейн и Каспарсон отправились во «взрослый» Клуб железнодорожных рабочих «КОР», построенный по проекту А. В. Щусева (Комсомольская пл., 4). Путеводитель конца 1930-х говорит о нем как об одном из «крупнейших клубов Москвы; в клубе имеются прекрасно оборудованный зрительный зал, киноаудитория и лекционный зал. В одном из этажей размещена транспортная библиотека с читальным залом и кабинетом самообразования» (*Длугач В. Л., Португалов П. А.* Осмотр Москвы: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1938. С. 97). Этот клуб «Профессор также осмотрел с большим интересом, подолгу наблюдая за работой кружков, как технических, так и художественных, но опять-таки не высказал никакого мнения о работе клуба, говоря, что “для того, чтобы составить мнение, нужно изучить его глубже”» (С. 26 Дела).

Утром следующего дня, 21 сентября, Витгенштейн и Каспарсон посетили Институт математики МГУ. Этот эпизод мы уже подробно разобрали. После МГУ они пошли на Всесоюзную строительную выставку, главный павильон которой, странноватый «Дом-самолет», дошел до нас по адресу 1-я Фрунзенская ул., За, с. 1. В те времена этот дом, через который осуществлялся вход на выставку, обступали восемь прямоугольных павильонов, образующих вместе с главным корпусом просторный внутренний двор.³³ Выбор этой экскурсии был не случаен, ведь Витгенштейн

³³ См.: Никитин 2011, 14.

сам был практикующим архитектором и дизайнером³⁴ и, по словам Каспарсона, очень интересовался советской архитектурой. Москва середины 1930-х была большой строительной площадкой, и широко обсуждались грандиозные планы реконструкции ее центра и окраин. Так что на выставке было что посмотреть. Между тем, в отчете сказано, что, по мнению Витгенштейна, советская архитектура (впрочем, не только советская) «развивается по совершенно неправильному и ложному направлению. Выставка проектов дома индустрии, академии наук и дворца советов привела профессора в неподдельную ярость <...>. Теория Витгенштейна такова, что все сооружения должны преследовать чисто утилитарную цель: всякие попытки архитектурного оформления искусственны и являются “преступлением против души народа, являются антиобщественными”. Особенно возмутил его проект Дворца Советов: “Сколько труда затрачивается для преступной цели”»³⁵. «Единственная революция, в которой я принял бы активное участие — это революция против ваших архитекторов», подытожил Витгенштейн (С. 25 Дела). В этом протесте против искусственности и нарочитости можно опять-таки расслышать толстовские нотки. И действительно, Каспарсон отмечает, что «профессор ярый поклонник Льва Толстого и до некоторой степени разделяет его философские воззрения» (С. 25 Дела). Подчеркнем также, что архитектурная критика Витгенштейна распространялась только на «новые постройки», на зарождающийся стиль советского ар-деко. Ему нравился дизайн Мавзолея, а Храм Василия Блаженного он называл «одним из красивейших зданий, когда-либо виденных мною»³⁶.

Вечером того же дня Витгенштейн и Каспарсон отправились в «Реалистический театр» (он находился на северо-восточном углу нынешней Триумфальной площади) на пьесу Н. Ф. Погодина «Аристократы». Спектакль начинался в 20:00. Эта комедийная пьеса о перевоспитании узников ГУЛАГа была хитом сезона, и она напоминает нам, что 1935 г. был чем-то вроде оттепели в предвоенной стране. Голод начала 1930-х отступал в прошлое, массовые репрессии еще не начались (хотя механизмы, их породившие, уже были запущены и незаметно набирали ход). Москва была

³⁴ В конце 1920-х он участвовал в проектировании, строительстве и оформлении дома своей сестры в Вене.

³⁵ Не исключено, что, передавая слова Витгенштейна, Каспарсон в этом месте несколько сгущает краски.

³⁶ *Rhees R. (ed.) Ludwig Wittgenstein: Personal Recollections. Totowa NJ: Rowman and Littlefield, 1981. P. 178.*

наводнена иностранными туристами, в посольских домах проходили шумные приемы, проводились крупные международные мероприятия: от шахматного супертурнира с участием Ласкера и Капабланки до театрального фестиваля или большого конгресса математиков-топологов — буквально за неделю до приезда Витгенштейна (уже известный нам тополог Копланд наверняка был его участником). Работали платные клиники, появилась услуга заказа продуктов на дом по телефону и билетов на самолет по телеграфу (из Москвы можно было улететь в 26 городов СССР, от Казани до Владивостока), можно было сходить в Музей нового западного искусства, в хороший ресторан, на «дансинг» и т. п. В такой атмосфере зазвучали голоса тех, кто миролюбиво считал возможным даже перевоспитание «вредителей». Но они быстро затихли. Вскоре пьеса Погодина, настраивающая зрителей именно на такой миролюбивый лад, была снята с репертуара этого и других театров³⁷. Впрочем, Витгенштейн в любом случае не впечатлился увиденным на сцене и «ушел после второго акта: “Проблема слишком незнакома ему, чтобы заинтересовать его, игра актеров ему тоже непонятна”» (С. 25 Дела).

Фраза, произнесенная Витгенштейном после спектакля в «Реалистическом театре», на мой взгляд, символична — и символизирует она то, что, хотя он приехал в СССР с «домашним» чувством, постепенно он осознал чужеродность этой новой для себя среды. Он все равно остался доволен поездкой — из-за ее удачного завершения: Яновская за глаза назвала его «великим» и предложила работу, большой интерес проявила Т. Н. Горнштейн и т. д. Но в целом у него возникло ощущение, что, хотя жить в СССР можно, эта жизнь не вполне свободна, словно в армии, и нужно все время быть начеку, чтобы не сказать лишнего³⁸.

Однако если визит Витгенштейна в СССР и охладил его чувства к нашей стране, то отношение к самому Витгенштейну и к аналитической философии, одним из главных представителей которой он был, развивалось у нас по восходящей линии. И этому способствовал именно его визит. Как свидетельствовал ученик Яновской Б. В. Бирюков, Витгенштейн подарил ей экземпляр двухтомной работы Г. Фреге «Основные законы арифметики»³⁹

³⁷ В Москве, к примеру, она шла еще в театре им. Вахтангова.

³⁸ См.: *Nedo M.* (Hg.). *Ludwig Wittgenstein: Ein Biographisches Album.* München: C. H. Beck, 2012. P. 330.

³⁹ См.: *Бирюков Б. В., Бирюкова Л. Г.* Людвиг Витгенштейн и Софья Александровна Яновская: «Кембриджский гений» знакомится с советскими математиками 30-х годов // *Логические исследования.* Вып. 11. М.: Наука, 2004. С. 50.

(скорее всего он переслал его по почте). Фреге был одним из создателей математической логики — главного инструмента аналитической философии. Именно послеобщения с Витгенштейном Яновская переориентируется на математическую логику, а затем предпринимает громадные усилия для внедрения математической логики на философском факультете МГУ (воссозданном в Московском университете в 1941 г.). А это, по сути, предопределило расцвет аналитической философии в современной России⁴⁰.

⁴⁰ Я благодарен М. Недо, Р. Монку, А. Хитрову, К. Попову, Д. Маслову, В. Бажанову, В. Суровцеву и А. Кузнецову за помощь и ценные советы при работе над этой статьей и сходными с ней предыдущими публикациями.